

Всеобщая история

通史

World History

Научная статья

УДК 378.016:327(571.53)

EDN QVFXQS

DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(4).318-331

Забывтая страница дисциплинарной истории международных отношений в России: Восточное отделение внешних сношений ФОН ИГУ, 1921–1924 гг. Часть 2***Д.Я. Майдачевский**

Байкальский государственный университет,

г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

11.10.2024

Дата принятия к печати:

13.12.2024

Дата онлайн-размещения:

21.12.2024

Аннотация. В статье на примере Восточного отделения внешних сношений Факультета общественных наук Иркутского государственного университета, существовавшего в 1921–1924 гг., рассматривается забытая, а, может быть, попросту игнорируемая историографией попытка строительства в раннесоветский период в отечественной науке и образовании дисциплинарной области международных отношений. Исследование сосредоточено на рассмотрении формы, которую международные отношения приняли как область изучения и преподавания под влиянием как социальных, объясняющих историю ее становления, так и интеллектуальных факторов, определяющих и отражающих внутреннюю динамику формирующейся дисциплинарной области. Последняя в рассматриваемом в статье случае складывалась в процессе взаимодействия международного права и истории международных отношений с востоковедением, задававшим объект изучения — взаимодействия стран Дальнего Востока (Северо-Восточной Азии) с ведущими державами мира и / или друг с другом. Дисциплинарная идентичность (предметность, специализация) области обеспечивалась опорой на общие для входивших в нее дисциплин марксистские политико-экономические методологические основания, а также теоретический концепт империализма / колониализма (международную политическую экономию). Начавшиеся уже со второй половины 1920-х гг. радикальные трансформации в области изучения и преподавания общественных наук резко оборвали не просто институционализацию международных отношений как перспективной области социального знания, но и в целом линию по его строительству на основе творческого, академического марксизма, породив бесплодие, каковым оно страдает до сих пор.

Ключевые слова. Международные отношения, отделение внешних сношений, факультет общественных наук, А.Н. Гладстерн, Ф.А. Ротштейн, Иркутский государственный университет, академический марксизм, политико-экономический подход, «красное востоковедение».

* Окончание. Начало см.: Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8, № 3. С. 220–233.

科学文章

俄罗斯国际关系学科史上被遗忘的一页：伊尔库茨克国立大学社会科学系东方外交关系部，1921–1924 年。第二篇

D.Ya. Maidachevsky

贝加尔国立大学，

伊尔库茨克，俄罗斯联邦

结稿日期：2024年10月11日

出版日期：2024年12月13日

网上出版日期：2024年12月21日

摘要：本文以 1921 年至 1924 年间存在的伊尔库茨克国立大学社会科学系东方外交关系部为例，探讨了一个被遗忘的、甚至可能被国内史学忽视的尝试，即苏联早期国内科学和教育界建立国际史学学科领域。该研究的重点是国际关系作为一个研究和教学领域在社会因素（解释其形成的历史）和知识因素（决定并反映新兴学科领域的内部动力）的影响下所采取的形式。后者，在本文所考虑的案例中，是在国际法和国际关系史与东方研究相互作用的过程中发展起来的，它设定了研究对象——远东（东北亚）国家与世界领先国家和/或相互之间的作用。该领域的学科特征（主题、专业化）是通过依赖构成该领域的各学科共同的马克思主义政治经济学方法论基础以及帝国主义/殖民主义（国际政治经济学）的理论概念来确保的。20 世纪 20 年代后半期开始的社会科学研究和教学的剧烈变革，不仅突然中断了国际关系作为一个有前途的社会知识领域的制度化进程，而且中断了在创造性的、学术性的马克思主义基础上构建国际关系的整个路线，导致了国际关系今天仍然存在的不育现象。

关键词：国际关系，外交关系部，社会科学系，A.N. Gladstern, F.A. Rothstein, 伊尔库茨克国立大学，学术马克思主义，政治经济方法，红色东方学。

Original article

Forgotten Page of the Disciplinary History of International Relations in Russia: Eastern Department of Foreign Relations of Faculty of Social Sciences of Irkutsk State University, 1921–1924. Part 2

D.Ya. Maidachevsky

Baikal State University,

Irkutsk, Russian Federation

Received: 2024 October 11

Accepted: 2024 December 13

Available online: 2024 December 21

Abstract. The article on the example of the Eastern Department of External Relations of the Faculty of Social Sciences of Irkutsk State University, which existed in 1921–1924, considers a forgotten, and perhaps simply ignored by historiography, attempt to build in the early Soviet period in domestic science and the formation of the disciplinary field of international relations. The study focuses on considering the form that international relations have taken as a field of study and teaching, influenced both by social, explaining the history of its formation, and by intellectual factors that define and reflect the internal dynamics of the emerging disciplinary field. The latter in the case considered in the article developed in the process of interaction between international law and the history of international relations with oriental studies, which set the object of study – the interaction of the countries of the Far East (Northeast Asia) with the leading powers of the world and/or with each other. Disciplinary identity (objectivity, specialization) of the field was ensured by relying on Marxist political and economic methodological foundations common to its disciplines, as well as the theoretical concept of imperialism/colonialism (international political economy). Beginning in the second half of the 1920s. radical transformations in the study and

teaching of social sciences sharply cut short not only the institutionalization of international relations as a promising area of social knowledge, but also the whole line for its construction on the basis of creative, academic Marxism, giving rise to infertility, which it still suffers.

Keywords. International relations, Department of Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, A.N. Gladstern, F.A. Rothstein, Irkutsk State University, academic Marxism, political and economic approach, “Red Orientalism”.

ВОВС: «создание политико-экономического авангарда России»

По признанию оставшегося безымянным автора обзора преподавания и изучения гуманитарных наук в университете, опубликованном в сборнике 1921 г., приуроченном к трехлетию его существования, ФОН и ВОВС посчастливилось в начале своего пути приобрести «преподавателя по кафедре международного права. Наличие последнего дало Вост[очному] отделению высших¹ сношений возможность обеспечить преподавание соответственной группы предметов в области международного права и истории международных отношений» [1, с. 31]. Заметим, ВОВС приобрел не просто юриста-международника, специалиста в области международного права, но подлинного энтузиаста науки о международных отношениях, имевшего собственное представление и о содержании, о путях развития новой дисциплины и, что немаловажно, пытавшегося строить ее на новых, марксистских методологических основаниях. Речь идет об Александре Николаевиче Глятстерне (Гладстерне²) (1887–1937).

Выпускник юридического факультета Харьковского университета 1916 г. А.Н. Глятстерн оказался в Иркутске в 1917 г. Работал помощником присяжного поверенного, а в советское время — членом коллегии защитников, читал лекции по разным отраслям права в Народном университете (с 1918 г.), служил юрисконсультом в Управлении Забайкальской железной дороги (1917–1920 гг.) [2, с. 182] и, по всей видимости, в ИГУ (с 1920 г.), во всяком случае, в составе администрации последнего в 1920–21 уч. году он числился в должности «консультанта» [1, с. 23]. Появление в структуре университета ФОН и ВОВС, а также желание и возможность взять на себя чтение дисциплин специализации, востребованных последним, «превратили» вчерашнего

юрисконсульта сначала в преподавателя, а после приобретения трехлетнего педагогического стажа, в 1924 г., уже к концу пребывания в Иркутске, — в профессора, заведующего кафедрой международного права и политики³.

Несмотря на назначение председателем (руководителем) ВОВС профессора-историка К.В. Кудряшева (1885–1962)⁴, именно А.Н. Глятстерн уже с первых шагов нового подразделения заявил о себе как о неформальном его лидере и идеологе, не только определяющем цели и задачи, задающем вектор развития, но размышляющем о предметно-содержательных основаниях внешних сношений как новой области социального знания⁵. В противном случае сложно объяснить появление в уже неоднократно упомянутом выше сборнике, приуроченном к трехлетию Иргосуна, в одном ряду с публикациями маститых университетских профессоров, руководителей подразделений вуза, работы новоиспеченного преподавателя последнего. Озаглавленная «Высшее образование в области внешних сношений», небольшая эта статья представляет собой если не первый, то в любом случае редкий в науке о международных отношениях опыт дисциплинарной рефлексии. Конечно же, значительная часть ее материала просто знакомила читателя с малознакомой областью знания и конкретно с ВОВС ФОН ИГУ, однако целый ряд замечаний автора в адрес последнего представляют интерес с точки зрения дисциплинарной истории.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 140. Л. 83.

⁴ В 1923 г. его сменил на этом посту профессор-географ С.Н. Лаптев (ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 15).

⁵ В этой связи заслуживает упоминания тот многозначительный, на наш взгляд, факт, что единственный преподаватель, с педагогической и научной деятельностью которого, ассоциировалась связь отделения с дисциплинарной областью внешних сношений / международных отношений, не входил в его руководящие органы. На протяжении всех лет работы в ИГУ он будет выполнять обязанности заместителя председателя правового отделения ФОН (ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 87).

¹ Очевидная опечатка. Правильно — внешних.

² Такое написание фамилии будет использоваться им после отъезда из Иркутска.

Демонстрируемая А.Н. Глятстерном на страницах статьи лояльность к сложившемуся коллективу факультета и авторитету его членов в деле выстраивания учебного процесса, попытавшихся с помощью учебного плана включить в него все наличные силы прежнего Восточного отделения, не сделала ее свободной от критики. Он охарактеризовал путь «подготовки деятелей в области внешних сношений», начертанный в учебном плане отделения, как «не совсем ровный и не во всех отношениях лучший (курсив автора. — Д.М.)», ставший в некоторых вопросах «результатом компромисса идей и мнений». Утверждая, что в целом вектор движения «по пути к здоровому реализму» выбран верный, а «усовершенствованиям путь не закрыт» [3, с. 20], он, откровенно указывая на необходимость и возможность корректировок учебного плана в будущем. Чем же должно было руководствоваться отделение, внося такие коррективы, и какой должна была стать их направленность?

За внешней, поверхностной причиной несовершенства учебного плана ВОВС — механическим соединением дисциплин восточного и правового отделений Гумфака — скрывалась, на взгляд А.Н. Глятстерна, куда более фундаментальная: неочевидность для причастных к делу подготовки специалистов существования внешних сношений (международных отношений) как отдельной области познания, или дисциплинарной области. В этой связи он точно подметил: «Стало уже трюизмом утверждение о том, что научное образование необходимо для работников во всех областях человеческой деятельности. Но общему признанию истины на словах следовало в России отрицание ее на деле в области внешних сношений», обусловленное, по большей части, непониманием востребованности международной жизнью «кадров работников, вооруженных всеми знаниями, необходимыми для роли участника, возбудителя, интенсификатора внешних сношений России с прочими государствами» [там же].

Ответ на вопрос о том, какими же знаниями высшая школа должна вооружать участников международных отношений, который автор дает, отталкиваясь от критики подготовки специалистов дореволюционными научно-образовательными центрами востоковедения, был на деле, конечно же, критикой учебного плана ВОВС. Критикой, на взгляд ее автора, конструктивной, поскольку она намечала желательные его усовершенствования. «Все эти учебные заведения, — пишет А.Н. Глятстерн, — имели характер преимущественно историко-лингвистический,

пригодный, быть может, для подготовки драгоманов. Деятели в области внешних сношений должны, само собой понятно, знать историю и, в большинстве случаев, язык страны, в которую они отправляются работать, но нам кажется, центр тяжести преподавания должен лежать в области экономики, политики и права. Беды не будет в том, если наши деятели в области внешних сношений не будут в состоянии разбираться в старых литературных и исторических источниках настолько, чтобы смаковать древние сказания, но плохи они будут безусловно, если их не научат распознавать источники экономического оборота, исследовать экономические пути, чтоб результатами своих наблюдений делиться со своим правительством и согражданами. Деятели в области внешней торговли должны, конечно, быть знаком с культурным бытом чужой страны, но для него важнее знать свое правовое положение (положение иностранца), экономический уклад страны, чем уметь правильно разбираться в старинных рукописях» [3, с. 20].

Красной нитью через всю заметку А.Н. Глятстерна проходила мысль о том, что, в отличие от востоковедных центров прошлого, ВОВС должен сосредоточиться в своих научных и образовательных практиках не на прошлом, а на современном экономическом и политическом укладе стран дальневосточного региона. Первоочередное внимание, что можно объяснить вступлением молодого советского государство в период нэпа, должно быть направлено на экономику, поскольку интенсификация внешнеэкономических и, конкретно, внешнеторговых связей со странами Дальнего Востока способна помочь в короткие сроки оздоровить его экономику, страдающую, по его словам, «малокровием». Впрочем, подход к изучению должен быть комплексным, политико-экономическим, учитывая тесные связи изучаемых стран во внешнеполитической сфере. В силу чего, завершал свои рассуждения ученый выводом о том, для решения практических задач, «для представительства и защиты интересов государства, для руководства экономическо-финансовыми предприятиями международного масштаба нужны люди с солидной научной подготовкой...» [там же, с. 21]. Не случайно, выступая 27 октября 1921 г. в рамках празднования трехлетия ИГУ с публичной лекцией в 1-й аудитории ФОН (размещавшегося в здании иркутского «Белого дома»), он сделал ее темой «Роль высшей школы в создании политико-экономического авангарда России»⁶.

⁶ Празднование трехлетия Гос[ударственного] Ирк[утского] университета // Власть труда. 1921. 25 окт. (№ 583).

ВОВС не довелось встать на путь реформ своего учебного плана, предлагавшихся А.Н. Глятстерном с тем, чтобы тот опирался в познании обучающимися социального мира преимущественно на академические дисциплины, имеющие дело с международными отношениями, международным уровнем анализа, а не черпал свою идентичность из «историко-лингвистических» дисциплинарных традиций «классического» востоковедения. Учебная программа отделения до конца его дней оставалась наполнена дисциплинами, отражающими научный и педагогический опыт и интересы профессоров и преподавателей двух направлений подготовки — востоковедного и юридического, механически собранных в рамках ВОВС волею обстоятельств, но не логике подготовки специалистов в области внешних сношений. «План», который был утвержден Наркомпросом в 1921 г., и «факт», нашедший отражение в перечне предметов, изученных выпускником, содержащемся в свидетельстве об окончании им китайского разряда ДВОВС в 1925 г. (когда последнее будет некоторое время входить в состав уже Факультета права и местного хозяйства)⁷ мало чем отличаются друг от друга. Разве что более строгим порядком дисциплин в последнем, отражающим, по всей видимости, структуру учебных планов, установленную органами государственного управления высшей школой тех лет, некоторым сокращением многопредметности путем объединения близких курсов (вызванного, в том числе и необходимостью произвести в 1924 г. выпуск студентов набора 1921 г. в связи с закрытием ВОВС), однако без достижения более определенной специализации в области внешних сношений (международных отношений).

⁷ Свидетельство № 3905 Иркутского государственного университета об окончании курса по китайскому разряду Дальневосточного отделения внешних сношений Факультета права и местного хозяйства, выданное Тупицыну Николаю Владимировичу : от 6 июня 1925 г., г. Иркутск // Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. № 34498047. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34697478> (дата обращения: 17.09.2024). Н.В. Тупицын (1903–1989) считается одним из основателей г. Магадан. Событием его биографии, заслуживающим упоминания в нашей статье, является тот факт, что свой трудовой путь выпускник ДВОВС начал с «работы по специальности», поступив на службу в «Дальнешторг» (г. Хабаровск) (Тупицын Николай Владимирович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тупицын,_Николай_Владимирович (дата обращения: 17.09.2024). Основатели // Магаданская правда. 2019. 07 нояб. URL : <https://magadanpravda.ru/lenta-novostej/istoriya/osnovateli> (дата обращения: 17.09.2024)).

А.Н. Глятстерн: «вперед по пути к здоровому реализму»

Дисциплинами специализации в области международных отношений на протяжении всей недолгой истории существования отделения выступали история международных отношений стран Дальнего Востока, посольское право, международное право и политика⁸. Преподавание последней из перечисленных дисциплин, как, впрочем, и остальных, возложенное с первых дней существования ВОВС на А.Н. Глятстерна, заставило его всемерно приблизить содержание курса к целям и задачам подготовки международных юристов, но не юристов. Об этом ученый со всей определенностью заявил в первых строках небольшой своей работы (автор называет ее «очерком»), носящей учебный характер и ставшей откликом на запросы студенческой аудитории, лишенной на тот момент учебных изданий как по советскому международному праву, так и, тем более, по международным отношениям / политике. Очерк «Правовая база современных англо-русских отношений», печатавшийся прежде появления отдельной брошюрой на страницах ряда номеров еженедельника Комитета содействия ИГУ (членом которого, к слову, являлся А.Н. Глятстерн) «Университетское слово»⁹, начинался со слов: «Появление в свет настоящего очерка вызвано... стремлением содействовать распространению в более широких кругах правильного понимания международных отношений РСФСР с буржуазным Западом и... желанием высказать перед специалистами свой взгляд на сущность этих отношений с точки зрения международного права» [4, с. 1].

Таким образом, с точки зрения ученого, международное право, как научная и учебная дисциплина, — не подменяет собой международных отношений, предлагая всего лишь особый и весьма ограниченный надстроечный характером права взгляд на последние. Наиболее очевидное различие между международными отношениями и международным правом лежит в плоскости предмета их изучения: в то время как международные отношения, рассматривают отношения между государствами, международное

⁸ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 5. В рамках двухлетнего «практического» цикла / разряда предполагалось чтение курса «Теория и практика консульского права» (там же).

⁹ Университетское слово. 1923. 15 июля (№ 15); 22 июля (№ 16); 29 июля (№ 17); 5 авг. (№ 18), 12 авг. (№ 19). Обращает на себя внимание тот факт, что в газетном варианте работа называлась «Правовая база англо-русских отношений».

право — нормы, которые регулируют эти отношения. Что позволяет, с некоторой долей условности, характеризовать это различие как разницу между «реализмом» и «идеализмом», между тем, что фактически делается, и тем, что должно быть (может быть) сделано государствами. Более того, не следует забывать, что всякая (национальная) система права предполагает первоначальное политическое решение и существует в рамках определенного политического контекста. Такое политическое происхождение оказывает влияние и на международные договоры, по природе своей имеющие политическое происхождение.

Несколько схематизируя, рождение дисциплины «международные отношения» можно представить поэтому как результат стартовавшего по окончании Первой мировой войны процесса дистанцирования от умозрительных построений международного права, сопровождавшегося критикой «утопической» веры либерального интернационализма в преобразующую его и международных организаций роль в деле предотвращения новых войн (реализм contra идеализм). Процесса, который, правда, в его западном варианте не продвинулся дальше власти (политики), приступив к «научному» изучению международной политики, сосредоточенному на национальных интересах государств, определяемых исключительно с точки зрения власти. Марксистская версия реализма двинулась дальше надстроечных правовых и политических отношений, связывая научное изучение международных отношений с анализом базисных отношений, определяющих политико-экономическое устройство общества. А.Н. Глятстерн писал в этой связи: «Право — надстройка экономики», и всякий правовой акт широкого общественного масштаба нормирует наличные экономические и общественные интересы в форме, наиболее благоприятной для экономически сильных классов, устанавливает порядок их осуществления, создавая для них более или менее совершенную охрану. Правило это, верное для области внутригосударственных отношений, имеет еще большую силу в сфере международной, где борьба различных экономических группировок, несмотря на набрасываемую на нее густую вуаль национальных и т.п. идей, носит характер более примитивный, более явственный, чем борьба классов внутри государств, сдерживаемая в некоторой степени вековой дисциплиной государства, стремящегося к поддержанию выгодного для экономически сильных классов «мира между классами» [4, с. 3].

Поэтому англо-русское торговое соглашение от 16 марта 1921 г. рассматривается автором в очерке не только и не столько с точки зрения правоотношений, устанавливаемых им между двумя странами во внешнеэкономической сфере, сколько как «программа международных отношений буржуазного Запада... с Россией, освобожденной от кольца антантовской блокады» [4, с. 1]. И как таковое, соглашение, руководствующееся принципом «торговые сношения без политического контакта, без открытого признания Советского государства» [там же], интересно прежде всего скрытым за договором как внешнеполитическим инструментом противостояния двух противоположных политико-экономических систем — социализма и капитализма. «Октябрьская революция и установившийся после нее в России социально-экономический и политический строй, — пишет А.Н. Глятстерн, — неприемлемы для правящих классов западноевропейских государств. Российская Революция, в ее течении, принятом после Октября, — не национальная революция, замыкающаяся в пределы одного государства; она, так сказать, официально прокламировала свой наступательный план, направленный на все страны земного шара. Речь идет не о косвенном влиянии, а о прямых задачах революции. И вполне понятно, что вся западноевропейская буржуазия объявила войну Советской России. Примирения быть не могло; путь для держав Антанты и С[еверо]-А[мериканских] Соединен[ных] Штатов был один — путь подавления опасного для них движения, опирающегося на государственную власть одного из обширнейших государств мира» [там же, с. 4]. Провал интервенции и блокады открыл новый этап международных отношений Советской России и буржуазного Запада, и англо-русский договор стал воплощением новой линии поведения последнего в отношении молодого социалистического государства.

Рассмотрение полного противоречия англо-русского торгового договора, занявшего важное место в истории международных отношений западноевропейских держав к Советской России во время революции, натолкнуло А.Н. Глятстерна на мысль о более детальном анализе проблемы международного признания государств, ставшей актуальной после Первой мировой войны и приведшей к серьезным переменам в политической географии мира и Европы прежде всего. В своем очерке он анонсировал выход в свет на страницах издаваемого университетом сборника трудов его профессоров

и преподавателей своей статьи, озаглавленной «Юридическая природа международного признания» [4, с. 24 (прим.)]. Работа, посвященная данной теме, хотя и не в указанном им сборнике¹⁰, действительно появилась, сменив при этом свое название на «Международное признание де-юре и де-факто (популярный очерк)». И дело здесь, на наш взгляд, не только и не столько в научно-популярном стиле изложения материала или в отсутствии научно-библиографического аппарата, сколько опять-таки в ориентации работы не на юристов, а на международников, но главное — в понимании, что за юридическими фикциями невозможно увидеть реальное содержание (природу) международного признания, коренящегося в исторически сложившейся политико-экономической и классовой организации современного международного сообщества государств. Именно демонстрации скрытого за нейтральной юридической формой полного социально-классовых противоречий содержания и посвящена эта небольшая работа ученого.

В своих рассуждениях А.Н. Глятстерн отталкивался от исторически сложившегося на буржуазном Западе международного союза (сообщества) государств, круг участников которого определяется не степенью их «культурной зрелости» (как нередко пытаются, по его словам, представить это теоретики международного права), а самыми что ни на есть приземленными, материальными интересами. «Связи, установившиеся между ними, — подчеркивал ученый, — выражали повелительную социальную потребность — давление экономических условий; указанная потребность получала удовлетворение зачастую в формах уродливых, но все-же эти формы международного общения явились первыми и из

них развивалось правовое здание — весьма и весьма непрочное — международного порядка буржуазии» [5, с. 7–8]. Именно члены этого сообщества крупнейших колониальных мировых держав Запада (полноправие и равноправие внутри которого носит исключительно декларативный, «бумажный», по словам А.Н. Глятстерна, характер) решали и решают вопрос о вхождении в него новых членов, вопрос о международном признании новых государств. Только с учетом капиталистических основ сложившейся международно-политической системы государств, существующих в ее рамках военно-политических и торгово-экономических союзов, следует рассматривать формы, виды и способы такого признания. И, прежде всего, признания Советской России — государства «особого типа, советского, с его социально-политическим строем, столь отличным от господствующего в остальном мире буржуазного строя и предшествовавших буржуазных общественных порядков» [там же, с. 9], которое еще не настолько сильно, чтобы изменить политико-экономические основы мирового порядка, а вместе с ними и международное право.

Публикация указанного очерка состоялась уже после принятия в марте 1924 г. в рамках очередной реформы высшей школы (на этот раз связанной с «сокращением сети ВУЗ») решения ГУС Наркомпроса о реорганизации ФОН ИГУ путем создания на основе двух его отделений — правового и экономического — самостоятельного факультета права и (местного) хозяйства (хозправфак), с одновременной ликвидацией ВОВС¹¹. Среди причин, обусловивших принятие такого решения, чаще всего назывались недостаток преподавателей с «марксистским мирозерцанием», слабый «практический уклон» в подготовке специалистов-востоковедов и шире — существующая практика подготовки последних, не соответствующая современным запросам двух ключевых их «заказчиков» — НКВД и НКВТ, в связи с чем было решено сосредоточить процесс подготовки специалистов в Москве¹². Предпринятые вузом попытки спасения, что показательно, не «отделения внешних сношений», а «восточного отделения» как «успешного уже пустить корни рассадника востоковедных знаний»¹³ (путем, например, подчинения его ЦИК СССР, как это произошло в случае с рядом столичных востоковедных

¹⁰ Причина, по которой статья не вошла в сборник трудов профессоров и преподавателей ИГУ (Вып. 6: Факультет общественных наук) 1923 г., нам неизвестна. Можно лишь предположить, что это было связано с научно-популярным характером изложения материала, который мог не устроить двух его соредкторов выпуска (Г.Ю. Маннса и К.Н. Миротворцева). По крайней мере, ответом им выглядят слова из небольшого предисловия к публикации работы отдельным изданием, в котором он писал: «Стараясь сделать очерк доступным для возможно широкого круга читателей, я все-же не сделал, мне кажется, ни единого отступления от требований научности. В области знаний научно все, что отвечает действительности; раскрыть действительность — такова цель очерка. Лозунг его — знание непопуляризованное — бесцельно (курсив автора. — Д.М.)» [5, с. 3]. Изданию брошюры с очерком, как и в случае с предыдущей работой ученого, предшествовала его публикация на страницах трех номеров газеты, на это раз — губернской «Власти труда»: 1924. 25 мая (№ 119); 27 мая (№ 120); 28 мая (№ 121).

¹¹ Маннс Г. Реорганизация Факультета общественных наук // Кузнецы грядущего. 1924. 11 окт. (№ 17).

¹² ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 218. Л. 5.

¹³ Маннс Г. Реорганизация Факультета общественных наук // Кузнецы грядущего. 1924. 11 окт. (№ 17).

центров страны), не принесли желаемых результатов. Докладная записка по вопросу о ликвидации ДВОВС, подготовленная его президиумом и адресованная правлению университета, предлагала даже просто «...отбросить в названии ДВОВС последние два слова «Внешних Сношений», смущающих некоторых, и реорганизация ДВОВС в значительной степени может быть выполнена»¹⁴. В свете возможной «кончины» старого университетского востоковедения смерть только начинавшей свою жизнь области знания — внешних сношений / международных отношений — была куда менее значимым событием.

А.Н. Гладстерн: поставить дело изучения Востока на новые марксистские рельсы

В числе преподавателей ВОВС, покинувших Иркутск в поисках нового места службы, был и А.Н. Гладстерн (это произошло, как мы уже отмечали, в самом конце 1924 г.), избранный профессором Харьковского института народного хозяйства¹⁵ (созданного, заметим, на базе юридического факультета Харьковского государственного университета, а в 1932 г. ставшего Харьковским институтом права и советского строительства). Однако направление развития его последующей профессиональной деятельности было задано годами недолгой работы на дисциплинарном пространстве международных отношений. В известном смысле, тем переменам, которые он полагал насущными для ВОВС, довелось воплотиться в жизнь, в его собственную научную жизнь.

Продолжая читать в новом вузе учебные курсы международного права и истории международных отношений, он уже последнюю сделал основной областью своего исследовательского внимания и научных занятий¹⁶, в процессе ко-

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 218. Л. 10.

¹⁵ Кузнецы грядущего. 1924. 27 окт. (№ 18).

¹⁶ Как правовед-международник А.Н. Гладстерн (теперь уже писавшийся — Гладстерн) опубликовал в харьковский период целый ряд работ, демонстрировавших марксистское правопонимание, его (права) политико-экономическую обусловленность: Ответственность иностранных страховых обществ по полисам, выданным в России // Вестник советской юстиции. 1925. № 21 (55). С. 824–827; Египетская конституция // Вестник советской юстиции. 1925. № 13 (47). С. 501–502; Дипломатические браки // Вестник советской юстиции. 1926. № 13. С. 516–521; Договоры Локарно // Вестник советской юстиции. 1927. № 6-7. С. 247–251; Советское право перед английским судом (Договоры страхования, заключенные в России до революции) // Вестник советской юстиции. 1928. № 14. С. 426–428; Институт иностранного публичного права и международного права в Берлине // Вестник советской юстиции. 1928. № 15–16. С. 474; и др.

торых реализовал, что примечательно, большей частью наработки иркутского периода своей биографии, как научно-исследовательского, так и научно-организационного плана. Под первыми имеются в виду результаты занявшей всю вторую половину 1922 г. командировки в Китай, в ходе которой, не владевший восточными языками, но знавший несколько европейских, А.Н. Гладстерн приступил к изучению дальневосточной проблематики и конкретно — истории международных отношений Китая с капиталистическими государствами¹⁷. Под вторым — безуспешная попытка организации в том же 1922 г. на базе ИГУ и, естественно, ВОВС Иркутского филиала (отделения) Всероссийской научной ассоциации востоковедения (ВНАВ), организатором-руководителем которого стал профессор Б.К. Пашков. Спустя три года автор заметки в иркутской газете, извещавшей о «возрождении» отделения, объяснит неудачу отъездом из Иркутска его «руководящего ядра»¹⁸, что, думается, не соответствовало истине. Причина, на наш взгляд, коренилась в несогласии и руководителя, и значительного числа преподавателей ВОВС и ФОН, составлявших костяк филиала, с целями и задачами ВНАВ, продвигавшей идею нового советского — марксистского, практического, «красного» — востоковедения.

Пройдет почти ровно год с момента появления А.Н. Гладстерна в Харькове как начнет свою работу Всеукраинская научная ассоциация востоковедения (ВУНАВ), созданная и им же фактически возглавляемая. Хотя, строго говоря, в построенной по образу и подобию ВНАВ (ставшей к тому времени Всесоюзной) организации, и во многом разделявшей ее идеологию и дублировавшей структуру, он руководил лишь политико-экономическим отделом. Еще через год ВУНАВ приступит к изданию журнала «Східний світ» («Восточный мир»), членом редколлегии и автором которого станет ученый [8, с. 5–6]. Уже

¹⁷ Биографические словари полагают результатом командировки подготовленную ученым работу «Китай и иностранные государства в первый период Китайской революции» (см., напр.: [6]), иногда полагая ее даже опубликованной. Нам, однако, не удалось обнаружить следов такой публикации. Известно лишь о носящем такое же название докладе, сделанном А.Н. Гладстерном на Втором съезде Всеукраинской научной ассоциации востоковедения в ноябре 1929 г. [7, с. 78]. Также неизвестна судьба еще одной его работы — «Международное признание Китайской Республики. Очерк истории иностранной интервенции в Китае», значащейся в архивных материалах как опубликованная (ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 16, 62 об.).

¹⁸ Б.К. Востоковеды сорганизовались // Власть труда. 1925. 5 февр. (№ 29).

во втором номере журнала, в некрологе о смерти Михаила Павловича Павловича (Михаила Лазаревича Вельтмана) (1871–1927) — творца нового советского востоковедения, создателя ВНАВ и журнала «Новый Восток» как основных инструментов продвижения ключевых его идей, А.Н. Гладстерн, как представляется, писал не просто о заслугах покойного перед востоковедением, но и о влиянии, оказанном на него самого, сделавшем его «красным востоковедом». Его слова: «М.П. делается востоковедом *par excellence* с той лишь особенностью, что для него востоковедение не является обособленной областью знания, областью изучения, а долей целого, называемой современной социологией, политикой, экономикой и т.д. всего мира» [9, с. 8], в равной мере могут быть отнесены и к самому Гладстерну. Последнему близка также установленная Павловичем неразрывная связь востоковедения с проблематикой империализма, обеспечивающая изучение восточных обществ в рамках политико-экономической структуры последнего как современной стадии капиталистического развития, что делает востоковедение пространством приложения марксистской методологии. М.П. Павлович для него — востоковед-марксист, «пионер в области, куда марксистский взгляд почти не заглядывал» [там же, с. 10].

Ориентация нового востоковедения на политико-экономический подход, его политико-экономическая ориентация уже была подмечена исследователями [10, р. 459, 461]. Мы же возьмем на себя смелость утверждать, что в рамках данного направления в короткий период существования академического марксизма в советской науке шло развитие теории империализма, перебросившее мостик от ее марксистско-ленинского этапа к тому, что заявит о себе уже после Второй мировой войны (теории зависимости, мир-системный подход), взглянув на империализм не с позиций коллективного Запада, а с позиций коллективного Востока как на политико-экономический способ организации мирового порядка через глобальное накопление капитала. Не имея возможности в рамках статьи развить данное утверждение, лишь процитируем одного из «красных востоковедов», чья работа «К познанию Востока» уже упоминалась на ее страницах: «В общей капиталистической системе мирового хозяйства отсталые, в данном случае восточные страны, заняли зависимое от развитых капиталистических стран положение — рынок сырья и дешевой рабочей силы. Народы этих стран в целом превращались, под влиянием внешнего втор-

жения капитала, не в субъектов капитализма, а в объекты его эксплуатации. Капитал не только раскалывает отдельные нации на классы, но и весь мир на нации-эксплуататоров и нации-эксплуатируемых, нации господствующие и нации угнетенные. В этом случае народы угнетенные, попавшие в когти империалистов, превращаются капиталом в массу, занимающую в мировом масштабе как бы положение пролетариата в отдельной стране» [11].

Указанные выше черты нового востоковедения и, прежде всего, его тесную связь с проблематикой империализма, с политикой ведущих стран Западной Европы, США, Японии и Российской империи в отношении «народов Востока», легко обнаружить и в статьях А.Н. Гладстерна, опубликованных на страницах харьковского «Восточного мира». Их названия говорят сами за себя: «1917 год в Монголии» [12], «Монгольская политика и Российское временное правительство» [13], «Мировая война 1914–1918 гг. и Восток» [14], «Проблема Китайско-Восточной железной дороги» [15]. Знакомство с работами показывает, что интеллектуальный интерес автора не идентичен интересу историка. Совершенно очевидно, что интеллектуальный интерес историка международных отношений находится в настоящем и будущем, а не в прошлом, где он ищет корни современных политико-экономических проблем империализма / колониализма. Истоки практически всех этих работ лежали в иркутском периоде жизни и творчества ученого, связанного с работой в ВОВС, а важнейшими источниками написания стали материалы архива дипломатической части канцелярии бывшего Иркутского генерал-губернатора и сменившего его после революции краевого комиссара Временного правительства, среди которых отложилась в копиях дипломатическая переписка по всем дальневосточным делам между Министерством иностранных дел и российскими дипломатическими представителями в Монголии, Китае и Японии. Это, с одной стороны, дает представление о глубине и серьезности интереса и подхода А.Н. Гладстерна к разработке востоковедной проблематики, в рамках которой его привлекала история международных отношений стран Дальнего Востока, ее политико-экономическое объяснение. С другой же, позволяет увидеть, вслед за ученым, перспективы, открывавшиеся благодаря современному социальному знанию и языкам, на которых основывалось новое направление, в деле выхода изучения Востока за пределы устоявшихся академических традиций и институтов.

Не случайно, поэтому, на исходе 1920-х гг. А.Н. Гладстерн предпринял шаги к созданию наряду с ассоциацией как общественной организацией еще и полноценной государственной научной организации в области востоковедения. Благодаря его усилиям и несомненным организационным талантам в 1930 г. возник Украинский научно-исследовательский институт востоковедения (УНИИВ), где он занял должность заместителя директора. Однако рубеж 1920–1930-х гг. принес сначала критику академического, творческого марксизма, его способа заниматься востоковедением со стороны «воинствующего» марксизма, начавшего принудительную его радикальную «марксизацию» (сдвоенная книжка журнала 1931 г. вышла в свет под «шапкой» не только УНИИВ, но и Всеукраинской ассоциации востоковедов-марксистов, сменив название на «Красный Восток» («Червоний схід»)), а затем вытеснение его «марксизмом» не столько «директивным», ортодоксальным, как его нередко называют, сколько вульгарным, упрощающим и имитирующим¹⁹. Будучи отстранен от должности и уволен «за идеологические ошибки», А.Н. Гладстерн перебрался в Москву, где работал с 1932 г. профессором экономической географии Всесоюзной академии внешней торговли. В марте 1937 г. он был арестован, обвинен в принадлежности к троцкистской контрреволюционной организации и в декабре того же года расстрелян [2, с. 183–184; 8, с. 13, 16]. И хотя ВОВС прекратило свое существование почти за полтора десятка лет до этого, именно трагическая гибель едва ли не единственного «строителя» отделения, а вместе с ним и новой дисциплинарной области — международных отношений, поставила точку в его истории.

Историографическое заключение

В статье, с опорой на ограниченные источники, имевшиеся в распоряжении автора, принята попытка реконструировать процесс

¹⁹ Наглядный пример тому дают работы начала 1930-х гг. бесспорного лидера «старого» востоковедения, академика, директора Института Востоковедения АН СССР С.Ф. Ольденбурга. Взявший на вооружение риторику «красного» востоковедения, он признавал «несостоятельность востоковедения как самостоятельной дисциплины» в силу господства в нем почти исключительно «надстроечных установок» и неготовности «востоковедной среды» к «использованию марксистской методологии». Суть правильного развития дисциплины, по его словам, в «теснейшей ее увязке с жизнью, что особенно важно для науки общественной, изучении сегодняшнего дня, современности, для правильного на нее воздействия», для чего первоочередное внимание должно быть отдано «вопросам экономики, исключительное практическое и теоретическое значение которой понятно теперь каждому» [16, с. 9–11].

создания дисциплины международных отношений / внешних сношений в ходе онаучивания гуманитарного и дисциплинарного оформления социального знания в Советской России / СССР в первой половине 1920-х гг. Волею обстоятельств процесс этот был запущен не только в главном вузе страны — МГУ, но и в глубоко провинциальном и молодом Иркутском университете, использовавшим предоставившуюся возможность для своего рода «ребрендинга», а точнее — спасения, упразднявшегося Восточного отделения Гуманитарного факультета, создав Восточное отделение внешних сношений. Это определило своеобразие как институционального пути формирования новой дисциплинарной области, так и поиска ею своей теоретико-методологической идентичности. Впрочем, своеобразие это было относительным. Как точно подмечено исследователями, «континентальные подходы к международным отношениям всегда реализовывались через другие дисциплины, а именно историю, международное право или социологию, без особой заботы об их автономии, поскольку международные отношения считались неавтономной междисциплинарной областью исследования. Международные отношения были объектом исследования, а не конкретной онтологической и дисциплинарной методологией» [17, р. 35]. Если в приведенном процитированном автором перечне предметов, наполнявших дисциплинарную область международных отношений, социологию заменить на востоковедение²⁰, мы увидим контуры этой области как она на короткий срок сложилась в ВОВС ФОН ИГУ.

И тем не менее, даже будучи «гибридной», как ее нередко называют, дисциплинарная область международных отношений получила, на наш взгляд, в указанный период (и в рассматриваемом случае) шанс на обретение статуса самостоятельного массива знаний, который отличается от других областей исследования и преподавания. Началом, способным интеллектуально консолидировать область, объединить международное право, историю и востоковедение, выступила марксистская политическая экономия (которую не следует отождествлять с учебным предметом, включенным в те годы в планы высшей школы и решавшим большей частью идеологические задачи) как метод ана-

²⁰ Отечественная историография со всей определенностью называет востоковедение одним из источников и составной частью советской науки о международных отношениях [18, р. 34–36].

лиза, способ понимания и объяснения всех социальных явлений и процессов, в том числе и в области международных отношений. В этой сфере новый импульс к развитию получила марксистская концепция империализма / колониализма, приводившая их в определенную систему (иерархию), основанную на функционировании капиталистических экономических отношений, отражающихся в отношениях между государствами. Что позволяет говорить уже о международной (глобальной) политической экономии. Если западной науке о международных отношениях пришлось полвека спустя «придумывать» субдисциплину международной / глобальной политической экономии, то в Советской России она такой родилась.

Поэтому, можно констатировать, что уже на начальном этапе своего формирования интеллектуальное единство дисциплинарной области не носило механического характера, правда, достигая реальной интеллектуальной интеграции и «перекрестного опыления» между несколькими академическими дисциплинами лишь в научно-педагогической деятельности отдельных исследователей (в нашем случае — А.Н. Гладстерна), а не благодаря академической организации области. Впрочем, эклектичная организация свойственна дисциплинарной области международных отношений и по сей день. При этом, как правило, оказываются безрезультатными попытки придать международным отношениям единство академической дисциплины путем создания «ядра» области, включающего курсы, призванные демонстрировать отличительные характеристики международных отношений как академической дисциплины (международное право, международная политика, международная экономика, международная география...). Однако, по справедливому замечанию Г. Моргантау, «поскольку такое ядро, если оно не имеет фокуса, отличного от “международного” характера международных отношений, не может не быть таким же эклектичным и разрозненным, как и сама область» [19, р. 649]. В этом отношении рассмотренный нами раннесоветский опыт демонстрирует успешный пример создания подобного ядра: марксистское востоковедение обеспечило область не только «международным характером» изучаемых отношений, но и политико-экономическим «фокусом» изучения последних.

Впрочем, сам Г. Моргантау, а вместе с ним западный англо-американский мейнстрим, интегрирующий принцип и фокус интеллектуального

любопытства дисциплинарной области международных отношений обнаружили в политике, подчиняющей специфические интересы дисциплинарной области международных отношений доминирующему политическому интересу. В известной мере этой линии следовал и ведомый Ф.А. Ротштейном кабинет внешних сношений Социалистической, а затем и Коммунистической академии, к концу своего существования фактически сменив название на кабинет «мировой политики». Издававшаяся с 1923 г. в рамках деятельности последнего под общей редакцией и с неизменным предисловием Ф.А. Ротштейна книжная серия, в которой было опубликовано десятка два переводных работ европейских авторов, также получила название «Библиотеки мировой политики». Политическая направленность выдвинулась в качестве основной и в деятельности будущего ИМХМП: «...институт будет работать в направлении разработки, главным образом, проблем политического характера, конечно с учетом всех тех экономических факторов, которые определяют развитие этих политических проблем»²¹.

Той же линии придерживается, по существу, и современная отечественная историография науки о международных отношениях (не говоря уже о самой науке, ныне прочно стоящей на рельсах западного мейнстрима и именующей себя международно-политической), связывающая, как уже отмечалось в начале статьи, рождение дисциплины в стране с превращением последней в «нормальное» суверенное национальное государство — актора межгосударственной системы. Актора, нуждавшегося в выработке политики взаимодействия с другими ее участниками, которая выступала продуктом скорее «искусства возможного», нежели научного=марксистского анализа, который по определению не мог игнорировать политико-экономический, классовый характер складывавшихся в международной системе отношений. Для идеологического же обеспечения проводимой политики, будь то внутри страны, или за ее пределами, не было нужды, да и смысла, обращаться (а, стало быть, и развивать) к творческому, «академическому марксизму». Для этих целей было вполне достаточно марксизма вульгарного, партийно-ориентированного, благо последний получил самое широкое распространение в академической среде.

Относя закончившуюся фальстартом раннесоветскую попытку строительства дисциплинар-

²¹ Протокол Общего собрания членов Коммунистической академии. 2 июня 1925 г. // Вестник Коммунистической академии. 1925. Вып. 12. С. 368–369.

ной области международных отношений к ряду революционного идеализма / утопизма, проигравшего сталинскому «интуитивному» реализму, историография, безусловно, конструирует основанный на презентистском подходе миф, призванный продемонстрировать непрерывный прогресс в направлении лучшего понимания реального мира. Миф, фактически идентичный «мифу 1919 года», с разоблачения которого область, на наш взгляд, заявила о себе, хотя это заявление, похоже, осталось неизвестным историографии. Речь идет о состоявшемся 14 сентября 1922 г. докладе члена президиума Социалистической академии, профессора политической экономии ФОН МГУ А.А. Богданова (Малиновского), озаглавленном докладчиком «Версальское устройство». Приверженец идеи переформулирования социально-гуманитарного знания в терминах марксизма, автор марксистского «Краткого курса экономической науки», легшего в основание учебника политической экономии (написанного совместно с И.И. Степановым), являвшегося основным университетским учебным пособием в первой половине 1920-х гг., он осуществил в докладе мастерский и оригинальный политико-экономический анализ «системы

связей буржуазного мира», состоящей из «системы извлечения прибавочной стоимости» и «системы организации коллективного страхования капитала» (т.е. политической / государственной «организации господства»), до и после Великой войны. Выводы, к которым пришел автор в результате своего анализа, и касавшиеся уже послевоенной «системы устройства международных отношений», фактически разоблачали «миф 1919 года», и не только Версаля, но и его в идейном плане «города-побратима» Аберистуита [20, р. 749]. И в Версале, где родилась новая система международных отношений, и в уэльском Аберистуите, где родилась наука их изучающая, «самое хищническое (читай: империалистическое. — Д.М.) содержание, какое знает история, было втиснуто в оболочку самых возвышенных отвлеченных принципов» [21, с. 123].

Быть может, настало время и современной отечественной науке о международных отношениях, уйдя от обсуждения «возвышенных отвлеченных принципов», обратиться к политико-экономическому анализу последних? Вернув далекому от приписываемого ему идеализма этапу развития дисциплины 1920-х гг. его законное место в историографии.

Список использованной литературы

1. Гуманитарные науки в Иркутском университете // Иркутский государственный университет: 1918–1921: сб. ко дню трехлетия существования университета / ред. Г.Ю. Маннс, К.Н. Миротворцев. — Иркутск, 1921. — С. 27–32.
2. Усенко І.Б. Юридичні дослідження у Всеукраїнській науковій асоціації сходознавства / І.Б. Усенко // Сходознавство. — 2009. — № 47. — С. 181–193.
3. Глятстерн А.Н. Высшее образование в области внешних сношений / А.Н. Глятстерн // Иркутский государственный университет: 1918–1921: сб. ко дню трехлетия существования университета / ред. Г.Ю. Маннс, К.Н. Миротворцев. — Иркутск, 1921. — С. 19–22.
4. Глятстерн А.Н. Правовая база современных англо-русских отношений / А.Н. Глятстерн. — Иркутск, 1923. — 28 с.
5. Глятстерн А.Н. Международное признание де-юре и де-факто : (попул. очерк) / А. Н. Глятстерн. — Иркутск : Сибкрайиздат, 1924. — 27 с.
6. Даниленко В. Гладстерн Александр Николаевич / В. Даниленко // Українські історики : біобібліограф. довідник. — Київ, 2010. — Вип. 3. — С. 57–58.
7. Циганкова Е.Г. Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства. Харківський центр // Е.Г. Циганкова // Східний світ. — 2000. — № 2. — С. 63–83.
8. Цыганкова Э.Г. Очерк истории востоковедческих учреждений в Харькове в 20–30-е гг. XX в. // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Мистецтвознавство. Архітектура. — 2008. — № 9. — С. 5–16.
9. Гладстерн А. М.П. Павлович : (некролог) / А. Гладстерн // Східний світ. — 1928. — № 2. — С. 8–11.
10. Kemper M. Red Orientalism: Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental. Studies in Early Soviet Russia / M. Kemper // Die Welt des Islams. — 2010. — Vol. 50, iss. 3-4. — P. 435–476.
11. К.А. [Харнский К.А.]. К познанию Востока (окончание) / К. А. // Власть труда. — 1921. — 16 июня (№ 475).
12. Гладстерн А. 1917 рік у Монголы / А. Гладстерн // Східний світ. — 1927. — № 1. — С. 91–119.
13. Гладстерн О. Монгольська політика тимчасового російського уряду / О. Гладстерн // Східний світ. — 1928. — № 5. — С. 154–171.

14. Гладстерн О. Світова війна 1914 – 1918 рр. та Схід / О. Гладстерн // Східний світ. – 1929. – № 3 (9). – С. 3–36.
15. Гладстерн О. Проблема Хінської східної залізниці / О. Гладстерн // Східний світ. – 1930. – № 1–2 (10-11). – С. 1–38.
16. Ольденбург С.Ф. Восток и Запад в советских условиях / С.Ф. Ольденбург. – Москва ; Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – 15 с.
17. Mendes P.E. The Birth of International Relations as a Social Science: a Compared Analysis of the Anglo-American World and Continental Europe / P.E. Mendes // Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations. – 2019. – Vol. 8, no. 16. – P. 19–50.
18. Lebedeva M. Russian Studies of International Relations. From the Soviet Past to the Post-Cold-War Present / M. Lebedeva. – Stuttgart : ibidem-Verlag, 2018. – 201 p.
19. Morgenthau H.J. Area Studies and the Study of International Relations / H.J. Morgenthau // International Social Science Bulletin. – 1952. – Vol. 4, no. 4. – P. 647–655.
20. De Carvalho B. The Big Bangs of IR: The Myths That Your Teachers Still Tell You about 1648 and 1919 / B. De Carvalho, H. Leira, J.M. Hobson // Millennium: Journal of International Studies. – 2011. – Vol. 39, iss. 3. – P. 735–758.
21. Богданов А.А. Версальское устроительство / А.А. Богданов // Вестник социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 106–131.

References

1. Humanities at Irkutsk University. In Manns G.Yu., Mirotvortsev K.N. (eds). *Irkutsk State University: 1918–1921*. Irkutsk, 1921, pp. 27–32. (In Russian).
2. Usenko I.B. Legal Research at the All-Ukrainian Scientific Association of Oriental Studies. *Skhodoznavstvo = Oriental Studies*, 2009, no. 47, pp. 181–193. (In Ukrainian).
3. Glyatstern A.N. Higher Education in the Field of External Relations. In Manns G.Yu., Mirotvortsev K.N. (eds). *Irkutsk State University: 1918–1921*. Irkutsk, 1921, pp. 19–22. (In Russian).
4. Glyatstern A.N. *Legal Basis of Modern Anglo-Russian Relations*. Irkutsk, 1923. 28 p.
5. Glyatstern A.N. *International Recognition De Jure and De Facto*. Irkutsk, Sibkraiizdat Publ., 1924. 27 p.
6. Danilenko V. Gladstern Aleksandr Nikolaevich. In *Ukrainian Historians*. Kiev, 2010. Iss. 3, pp. 57–58. (In Ukrainian).
7. Tsigankova E.G. All-Ukrainian Scientific Association of Oriental Studies. *Skhidnii svit = World of the Orient*, 2000, no. 2, pp. 63–83. (In Ukrainian).
8. Tsygankova Eh.G. Essay on the History of Oriental Institutions in Kharkov in the 20–30s. 10th Century. *Visnik Kharkivs'koï derzhavnoi akademii dizainu i mistetstv. Mistetstvoznavstvo. Arkhitektura = Bulletin of the Kharkiv State Academy of Design and Arts. Art history. Architecture*, 2008, no. 9, pp. 5–16. (In Ukrainian).
9. Gladstern A. M.P. Pavlovich. *Skhidnii svit = World of the Orient*, 1928, no. 2, pp. 8–11. (In Ukrainian).
10. Kemper M. Red Orientalism: Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental. *Studies in Early Soviet Russia. Die Welt des Islams*, 2010, vol. 50, iss. 3-4, pp. 435–476.
11. K.A. [Kharnskii K.A.]. To the Knowledge of the East (Ending). *Vlast truda*, 1921, June 16. (In Russian).
12. Gladstern A. 1917 in Mongolia. *Skhidnii svit = World of the Orient*, 1927, no. 1, pp. 91–119. (In Ukrainian).
13. Gladstern O. Mongolian Policy of the Provisional Russian Government. *Skhidnii svit = World of the Orient*, 1928, no. 5, pp. 154–171. (In Ukrainian).
14. Gladstern O. World War I. 1914–918 and the East. *Skhidnii svit = World of the Orient*, 1929, no. 3, pp. 3–36. (In Ukrainian).
15. Gladstern O. The Problem of Chinese-Eastern Railway. *Skhidnii svit = World of the Orient*, 1930, no. 1-2, pp. 1–38. (In Ukrainian).
16. Oldenburg S.F. *East and West in the Soviet Union*. Moscow, Leningrad, 1931. 15 p.
17. Mendes P.E. The Birth of International Relations as a Social Science: a Compared Analysis of the Anglo-American World and Continental Europe. *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, 2019, vol. 8, no. 16, pp. 19–50.
18. Lebedeva M. *Russian Studies of International Relations. From the Soviet Past to the Post-Cold-War Present*. Stuttgart, ibidem-Verlag, 2018. 201 p.
19. Morgenthau H.J. Area Studies and the Study of International Relations. *International Social Science Bulletin*, 1952, vol. 4, no. 4, pp. 647–655.
20. De Carvalho B., Leira H., Hobson J.M. The Big Bangs of IR: The Myths That Your Teachers Still Tell You about 1648 and 1919. *Millennium: Journal of International Studies*, 2011, vol. 39, iss. 3, pp. 735–758.

21. Bogdanov A.A. Versailles Organization. *Vestnik sotsialisticheskoi akademii = Bulletin of the Socialist Academy*, 1922, no. 1, pp. 106–131. (In Russian).

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-код: 9241-2241, AuthorID РИНЦ: 499735.

作者信息

Dmitry Ya. Maidachevsky — 经济学副博士, 副教授, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, MaidachevskyDY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-Code: 9241-2241, AuthorID RSCI: 499735.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — PhD in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-Code: 9241-2241, AuthorID RSCI: 499735.

Для цитирования

Майдачевский Д.Я. Забытая страница дисциплинарной истории международных отношений в России: Восточное отделение внешних сношений ФОН ИГУ, 1921–1924 гг. Часть 2 / Д.Я. Майдачевский. — DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(4).318-331. — EDN QVFXQS // Российско-китайские исследования. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 318–331.

For Citation

Maidachevsky D.Ya. Forgotten Page of the Disciplinary History of International Relations in Russia: Eastern Department of Foreign Relations of Faculty of Social Sciences of Irkutsk State University, 1921–1924. Part 2. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 318–331. (In Russian). EDN: QVFXQS. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(4).318-331.